

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Анархизм глазами философа... или богослова, что одно и то же

Эррико Малатеста

Май-июнь 1925

Анархизм глазами философа...
или богослова, что одно и то же

Джузеппе Гангале в «Conscientia» от 23 мая занимается анархизмом – и занимается им как бы нехотя, то есть блуждая в тумане.

Мне кажется, что Гангале из-за постоянного изучения философских и религиозных абстракций выработал в себе такой склад ума, который побуждает его делать туманным, трудным и нереальным то, что само по себе ясно, легко и осязаемо в жизни. В любом случае несомненно, что при обсуждении анархизма к его мало приспособленному для этого умственному складу добавляется ещё и то обстоятельство, что он говорит о вещи, природы и истории которой не знает и одушевляющую силу которой не чувствует.

Эррико Малатеста
Анархизм глазами философа... или богослова, что одно и
то же
Май-июнь 1925

Pensiero e Volontà №7

ru.anarchistlibraries.net

Он начинает с заявления, что намерен рассуждать об «анархизме», а не об анархистах. Разумеется: анархисты – вещь слишком конкретная, чтобы принимать их в расчёт даже тогда, когда речь идёт... об анархизме.

Но поскольку было бы слишком трудно даже для Гангале говорить об анархизме по интуиции или по божественному вдохновению, он вынужден обратиться к неким писателям-анархистам и выбирает по справедливому основанию наиболее известных – Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина; но, оставаясь верным своему методу, он ищет в этих писателях то, что в них есть метафизического, пренебрегая тем, что делает их собственно анархистами.

Для Гангале истинный, чистый анархист – это Штирнер. Штирнер – самый тёмный, самый непонятный, самый противоречивый из всех, и Гангале не мог не предпочесть его. Штирнер был совершенно неизвестен анархистам вплоть до 1880 года, то есть до того времени, когда анархизм, сформулированный и пропагандируемый студентами и рабочими в лоне Первого Интернационала с согласия и под руководством Бакунина, стал массовым движением и был испытан огнём преследований и мученичества¹. Даже сегодня анархисты в огромном большинстве не знают Штирнера, а те, кто его знает, либо отвергают его, либо толкуют его на десять и сто разных ладов. (Кстати, писатели, о которых идёт речь, нуждаются в истолковании и потому регулярно искажаются!) Но для Гангале это неважно: мы уже сказали, что для него анархисты не в счёт даже в вопросе об анархизме.

Но дело в том, что анархисты, как анархисты, не имеют ничего общего ни с левым гегельянством, ни с Каль-

¹ Напоминаю, что в 1889 году, когда я приехал из Южной Америки в Англию, я, впервые услышав имя Штирнера, спросил Кропоткина, кто такой Штирнер, и Кропоткин ответил, что тоже его не знает.

вином, ни с протестантизмом, ни с католицизмом, ни с коммунизмом и прочими вещами, вокруг которых любит фантазировать Гангале.

Анархизм в своём генезисе, в своих стремлениях, в своих методах борьбы не имеет никакой необходимой связи с какой бы то ни было философской системой.

Анархизм родился из морального бунта против социальной несправедливости.

Когда находились люди, чувствовавшие, что они задыхаются в той социальной среде, в которой им приходилось жить, и чьи чувства были оскорблены чужой болью, которую они чувствовали как свою собственную, эти люди убеждались, что большая часть человеческого горя – не фатальное следствие неотвратимых естественных или сверхъестественных законов, а проистекает из фактов, зависящих от человеческой воли и устранимых человеческим действием, – тогда открылся путь, который должен был привести к анархизму.

Нужно было исследовать конкретные причины социальных зол и средства, способные их уничтожить.

И когда некоторые уверовали, что фундаментальная причина зла – борьба между людьми с вытекающим из неё господством победителей и угнетением и эксплуатацией побеждённых, и увидели, что это господство одних и это подчинение других проходит через все исторические перипетии, они возложили вину на капиталистическую собственность и Государство и поставили целью низвергнуть Государство и собственность – тогда родился анархизм.

Бакунин, после того как «пофлиртовал» с гегельянством, стал атеистом и материалистом, и когда он захотел построить философию, он противопоставил Природу Богу, не замечая, что его Природа в сущности – лишь другое имя Бога и что так называемые естественные законы столь

же логически отрицают свободу, как и так называемые божественные законы. Но это неважно.

Если бы Бакунин верил в Бога, он примирил бы анархизм с этой верой, сказав, что, будучи все детьми Божьими, мы все братья, что Бог оставил нам свободу и что тот, кто угнетает и эксплуатирует братьев, грешит против Бога. Бакунин был бунтарь, он питал жгучую ненависть к тирании, видел в авторитарной организации Общества причину страданий и несправедливостей, возмущавших его, и был бы анархистом даже если бы верил в какую угодно религию – при условии, что истолковывал бы её так, чтобы примирить её, насколько возможно логично, со своими социальными стремлениями.

Кропоткин изучал естественные и исторические науки и находил во всех фактах оправдание анархизма... порой невольно немного подгоняя факты, как это случается со всеми, кто ищет в фактах доказательство заранее заданного тезиса. Но если бы последующие исследования в астрономии, биологии и социологии изменили его научные убеждения, он всё равно остался бы анархистом, ибо остались бы неизменными его любовь к людям и его ненависть к власти.

И то же самое можно сказать обо всех анархистах.

Самые образованные из них принимают или создают себе философию ради той потребности человеческого ума – систематизировать и объединять мысль; но то, что делает их анархистами, – это чувство, это стремление к свободе, к благу для всех, к любви между всеми.

Если Гангале хочет критиковать анархизм, пусть он постарается спуститься с облаков и использовать земной язык и земные аргументы.

Пусть он скажет нам, считает ли он анархию вещью хорошей и возможной или, наоборот; пусть скажет, какие дурные или невозможные вещи он в ней видит; пусть кри-

тикует нас как человек, живущий в обществе и неизбежно имеющий какой-то социальный идеал, какое-то представление о том, каким должно и могло бы быть сожительство цивилизованных людей. Тогда мы сможем обсуждать с пользой для нас, для него и для наших читателей.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА